
Тихая сторона реки
18+

Амелия Рейн

Тихая сторона реки

«Автор»
2026

Рейн А.

Тихая сторона реки / А. Рейн — «Автор», 2026

Поволжье, 1964 год. Небольшой посёлок Бережки готовится к переменам: строительство гидроузла грозит навсегда изменить привычные берега и судьбы людей.Вера Лукина, местный библиотекарь, пытается сохранить то, что не попадёт ни в одну официальную ведомость: письма, фотографии, воспоминания и голоса жителей. Алексей Рябинин, инженер, приехавший готовить документы для переселения, привык доверять точным расчётам, но всё чаще сталкивается с вопросами, на которые невозможно ответить цифрами.Между двумя взрослыми людьми постепенно возникает чувство. Однако профессиональный долг, семейные обязательства и недосказанность испытывают их доверие.«Тихая сторона реки» — проникновенный роман о любви, памяти и праве человека самостоятельно выбирать своё будущее. О том, как трудно быть рядом, когда сама жизнь заставляет прощаться с прошлым.

© Рейн А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Опись берега 6
Глава 2. Чужая точность 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Амелия Рейн
Тихая сторона реки

Тихая сторона реки

Глава 1. Опись берега

Утром двенадцатого мая Вера Лукина обнаружила, что в библиотеке снова пахнет мокрой доской. Ночью дождь прошёл короткий, почти летний, но у северного окна подоконник потемнел, а на полу проступила узкая полоса воды. Она положила на неё тряпку, прижала углом кирпича и открыла дверь для читателей. До девяти оставалось четверть часа. На улице кто-то торопливо вёл велосипед по песку; колёса шуршали так, будто человек боялся разбудить посёлок.

На столе лежали три карточки возвращённых книг, тетрадь выдачи и записка от председателя поселкового совета: «Зайти по вопросу учёта домов». Ни подписи, ни числа. Вера перевернула бумажку, хотя оборот, разумеется, был пуст. О домах теперь говорили так, словно они состояли из стен, окон и печных труб. У дома её отца было две ступени, которые он сам заменил прошлой осенью; у дома Анны Фёдоровны — яблоня, выросшая из косточки. В учётной ведомости для таких вещей места не находилось.

Она не собиралась спорить с ведомостью. Ей хотелось только узнать, куда денутся вещи, которые нельзя вписать в графу «строение».

Первой пришла Мария Степановна, учительница на пенсии, с томом рассказов, завёрнутым в газету. Книгу она вернула вовремя, но вместо обычной беседы достала из сумки пожелтевший снимок.

— Это ещё до войны, — сказала она, не отдавая фотографию. — Здесь пристань старая. Видишь, навес был другой. Ты говорила, что собираешь изображения Бережков.

— Я говорила, что хотела бы их описать. Собирать без спроса не стану.

Мария Степановна посмотрела на неё поверх очков.

— А если я разрешу?

— Тогда запишу, чей снимок, кого на нём узнаёте. И что именно разрешаете: посмотреть, переписать сведения или сделать копию, если найдём где.

— Оставлять у тебя не хочу.

— И не надо.

Старуха облегчённо вздохнула, словно ждала, что её начнут уговаривать. Вера подвинула чистый лист. Под снимком, который всё ещё держала хозяйка, темнела полоса реки, а на пристани стояли люди, лица которых уже трудно было различить. Вера спросила не «кто эти люди?», а «кого вы сами помните?». Мария Степановна назвала двоих и остановилась. Остальных она не знала. Вера так и записала.

Когда дверь за учительницей закрылась, на столе остался лист с двумя именами и пометкой: «Снимок у владельца. Разрешено описание. Копия не разрешена». Вера перечитала последнюю строку. Она казалась важнее всех остальных.

К полудню солнце высушило дорогу перед библиотекой. По окну скользили тени от ветвей, и вода у окна перестала прибывать. Вера уже собиралась сходить к председателю, когда отец появился на пороге с пустой жестяной кружкой в руке. Кружку он нёс для того, чтобы не идти с пустыми руками: эту привычку она знала с детства.

— У тебя опять течёт? — спросил Павел Лукич.

— Немного. После обеда посмотрю крышу.

— Ты на крышу не полезешь.

— Я и не собиралась. Хотела попросить плотника.

Он поставил кружку на стол и оглядел мокрый угол.

— Плотник теперь всё больше по другим делам ходит. Всем надо до осени успеть.

Отец не произнёс слова «переселение». В последние недели оно стало похоже на фамилию неприятного соседа: его знали все, но старались не звать лишний раз. Вера сняла с полки тонкую книгу, которую он просил вчера, и положила перед ним.

— В совете записку оставили. Про учёт домов.

— Пойдёшь?

— Пойду. Хочу узнать, можно ли отдельно описать то, что люди собираются взять с собой.

— А ты у людей спрашивала, хотят ли они, чтобы их вещи кто-нибудь описывал?

— Сегодня спросила, — сказала она. — У Марии Степановны.

— Вот и хорошо. Начинай с этого.

Он взял книгу, а кружку забыл. Вера окликнула его у двери.

— Папа, ты сам что возьмёшь, если придётся переезжать?

— Не «если», Верочка.

— Хорошо. Когда.

— Тогда и решу.

— Но нужно заранее…

— Мне нужно, чтобы ты дала мне решить, — сказал он спокойно. — Я ещё умею.

В поссовете было душно. В коридоре стояла скамья с отполированным краем; на ней сидели две женщины и мужчина в рабочей куртке. Из-за двери доносился голос, перечислявший номера участков. Вера дождалась своей очереди. Председатель, уставший и вежливый, показал ей листы с перечнем строений и объяснил, что сейчас собирают сведения для дальнейшей работы. Он не обещал ни сроков, ни порядка решения личных вопросов. На вопрос о семейных бумагах развёл руками:

— Это не по нашему списку. Люди сами знают, что им дорого.

— Не все знают, как сохранить, — ответила Вера. — Можно я в библиотеке предложу записывать воспоминания и описывать фотографии? Только по желанию хозяев.

— Библиотечную работу ведите как положено. А с чужими вещами осторожнее. Потом скажут, что вы забрали.

— Не заберу без согласия.

— Вот и хорошо.

Она вышла с меньшим количеством сведений, чем рассчитывала, но с ясным ощущением границы. Официальный перечень домов и её будущие записи не должны были притворяться одним делом.

К реке Вера пошла после закрытия. Ей нужно было посмотреть на старую пристань, чтобы не перепутать её с пристанью на фотографии. По дороге она миновала дома, у которых открывали окна на вечерний воздух. Из одного доносился стук ножа о доску, из другого — радио, слишком тихое, чтобы разобрать слова. На заборе сушилась выстиранная рубашка. Эти вещи не просили, чтобы их сохраняли. Они просто составляли день.

У спуска к воде стояли двое мужчин с рейкой и папкой. Один, постарше, что-то говорил, показывая в сторону берега. Другой наклонился к листу, придерживая его ладонью от ветра. Вера замедлила шаг: они занимали узкую дорожку, по которой она обычно спускалась к пристани.

— Простите, — сказала она. — Мне пройти.

Тот, что держал папку, сразу отступил. На нём была серая куртка без заметных знаков; лицо усталое, глаза внимательные. Он не стал разглядывать её, только посмотрел, хватит ли места.

— Пожалуйста.

Она прошла бы мимо, если бы не услышала за спиной:

— Этот край по старому плану выходит иначе.

— Потому что план старый, — ответил второй.

Вера обернулась.

— Вы берег измеряете?

Мужчина с папкой закрыл её так, чтобы лист не трепало.

— Уточняем данные участка.

— Для переселения?

— Для работы по берегу. Сведения о переселении лучше спрашивать у тех, кто их оформляет.

Ответ был аккуратный, почти нарочито аккуратный. Вера не любила, когда ей говорили только ту часть правды, которую считали безопасной.

— Я спрашивала. Там тоже отсылают к другим.

Он выдержал её взгляд, не улыбаясь.

— Понимаю. Но если я назову срок, которого не знаю наверняка, вам будет хуже.

Ей хотелось возразить. Вместо этого она спросила:

— Вы из Верхнереченска?

— Сейчас работаю оттуда. Рябинин, Алексей Сергеевич.

— Лукина Вера Павловна. Библиотекарь.

Он кивнул так, будто профессия объясняла, почему она задаёт вопросы у пристани. Возможно, объясняла.

— Вы местная?

— Всю жизнь здесь. Поэтому и спрашиваю.

Рябинин посмотрел на берег, где подмытая земля обнажала корни травы.

— Тогда вы знаете его лучше меня. Но мои измерения от этого не станут ненужными.

— А ваши измерения не заменят того, что здесь было.

Он ответил не сразу.

— Не заменят.

Это простое согласие сбило её с приготовленной резкости. Второй мужчина позвал Рябинина по фамилии, и тот повернулся к нему. Вера спустилась к воде. На пристани пахло сырым деревом и речным илом. Она попыталась представить навес со старого снимка и поняла, что не может точно определить, где он стоял. Нельзя было заполнять память догадкой только потому, что пустое место тревожило.

Дома отец сидел у кухонного стола и чинил ручку старого ящика. Он не спросил, почему Вера задержалась, только подвинул ей тарелку с остывшей картошкой. Вера вымыла руки, села и рассказала о Марии Степановне, фотографии и двух именах.

— Значит, люди на снимке остались, а имена почти ушли, — сказал отец.

— Два имени всё-таки есть.

— Два — это не «почти всё».

— Я и не говорю, что всё.

Он подцепил ножом тонкую щепку, примерил её к расшатавшемуся пазу.

— Вот и пиши ровно столько, сколько знаешь.

Она рассказала и о людях у пристани, о папке, рейке и осторожных ответах инженера. Отец поднял глаза.

— Ты его о сроках допытывала?

— Спросила один раз.

— И что?

— Не знает наверняка. По крайней мере, так сказал.

— Разумный ответ.

— Удобный ответ.

— Иногда одно другому не мешает.

После ужина она разложила на своём столе чистую тетрадь. На первой странице написала: «Бережки. Записи о вещах и людях — только с разрешения владельцев». Ниже оставила место для даты, имени рассказчика, описания предмета и условий использования сведений. Это не была библиотечная инвентарная книга и не официальный список переселяемых домов. Вера подчеркнула слово «разрешение», потом убрала карандаш.

Отец заглянул в комнату.

— Ты кружку мою не видела?

— В библиотеке оставил. Завтра принесу.

— Не забудь.

Он уже уходил, когда Вера сказала:

— Папа, я не буду составлять список твоих вещей без тебя.

Он задержался в дверях.

— Я знаю, что ты добра хочешь.

— Этого мало.

— Иногда мало, — согласился он. — Но хорошо, что ты поняла.

Ночью Вера ещё раз перечитала две строки о фотографии. За окном негромко стучала неплотно закрытая ставня соседнего сарая. В тетради было много пустых страниц, и впервые за день пустота не казалась ей упрёком. Она могла спросить. Могла записать ответ. Могла оставить место там, где ответа не было.

Утром предстояло вернуть отцу кружку, найти плотника для библиотечного окна и, возможно, снова встретить у реки людей с измерительными рейками. Последнее она не внесла ни в один список. Просто заметила эту мысль и погасила свет.

Глава 2. Чужая точность

На следующее утро Алексей Рябинин обнаружил ошибку не в цифрах, а в привычке доверять им раньше времени. На листе, который принёс из Бережков техник, край старой пристани был обозначен ровной чертой. В действительности черта уходила под подмытый откос, а две опорные сваи, видные при низкой воде, стояли не там, где их показывал прежний план. Разница была невелика для человека, смотревшего на бумагу издалека. Для человека, которому предстояло подписать уточнение, она была достаточной, чтобы вернуться на берег.

Он положил план на стол, прижал угол металлической линейкой и рядом раскрыл полевую тетрадь. В комнате временной конторы в Верхнереченске было холоднее, чем на улице: толстые стены ещё держали ночную сырость. За перегородкой стучала машинка. Сотрудник, которого все звали просто Семёном, вошёл без стука и остановился у двери.

— Вы снова вчерашнее сверяете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.